

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава I. Древние тексты псалмов и их изучение в XIX–XX вв. ....</i>	<i>12</i>
<i>Глава II. Псалтирь в книжной традиции Древней Руси.....</i>	<i>22</i>
<i>Глава III. Псалтирь и ранняя русская гимнография.....</i>	<i>51</i>
<i>Глава IV. Псалтирь и «Поучение» Владимира Мономаха.....</i>	<i>73</i>
<i>Глава V. «Слово Даниила Заточника» и покаянные псалмы Давида .....</i>	<i>89</i>
Заключение.....	114
Библиографический список	118
Список сокращений	134
Именной указатель	135
Указатель текстов и произведений	137

ВВЕДЕНИЕ

Проблема возникновения и развития древнерусской книжности неразрывно связывается в науке с изучением внешних духовно-эстетических влияний на культуру Древней Руси. Это естественно, так как практически никогда и нигде, в том числе и на Руси, не существовало чисто автохтонное, не подверженное никаким внешним влияниям развитие искусства и культуры в целом. Как пишет один из исследователей взаимодействия культур, «на протяжении всего мирового развития действует закономерность, согласно которой заимствования дополняют внутреннее развитие, служат одним из основных источников обогащения и совершенствования культур»¹. Ю.М. Лотман, исследуя проблему культурного влияния в типологическом ключе, обращает особое внимание на то, что «противопоставление внутренних механизмов развития и внешних «влияний» возможно лишь как умозрительное отвлечение. В реальном историческом процессе оба эти явления взаимосвязаны и представляют разные проявления единого динамического процесса»².

Изучение древнерусской книжности в контексте «внешних» влияний справедливо прежде всего еще и потому, что само появление книжности на Руси было определено принятием христианства и вступлением страны в общий восточно-христианский мир. Славянские христианские тексты, вероятно, имели распространение в Киевской Руси еще в середине X века в узком кругу существовавшей христианской общины, но «только крещение Руси при Владимире, — как пишет В. А. Мошин в работе, посвященной русско-южнославянским литературным связям, — поставило перед литературой новые культурно-общественные задания и этим определило путь для общей, широкой акклиматизации старославянской литературы в роли русской литературы»³. Естественно, страна, где было принято Православие, испытывала интенсивное культурное влияние Византии — центра православного христианского региона. Факт принятия Православия стал основой для исключительно широкого потока текстов на Русь из Византии и южнославянских государств, прежде всего Древней Болгарии, культура которой, говоря словами Ю.М. Лотмана, «загоревшись от византийского факела, уже вступила в стадию активного создания собственных текстов»⁴. Как известно, пришедшие

тексты – это прежде всего результат деятельности славянских первоучителей свв. Кирилла (Константина) и Мефодия и их учеников. Изучению проблем, связанных с рождением славянской книжности и атрибуции первых славянских переводов и текстов, посвящено множество работ⁵.

За короткое время Русь «получила бульшую часть того, чем владела Болгария»⁶. В то же время, как показали исследования А.И. Соболевского, Н.А. Мещерского, А.А. Алексеева, начиная с XI века переводы на церковнославянский язык осуществлялись и в самой Руси⁷. В результате интенсивной переводческой деятельности южнославянских и русских книжников Русь обладала довольно значительным объемом текстов. В него входили прежде всего тексты Священного Писания, частью с толкованиями; вся литургическая литература; творения Отцов Церкви и позднейшая литература поучений, бытовавшая в многочисленных русских сборниках, начиная от Святославовых Изборников 1073 и 1076 годов; большое число произведений житийной литературы в виде отдельных житий прославленных подвижников и в составе больших сборников – Четьих Миней; поучительная аскетическая литература; апокрифы; исторические и естественнонаучные труды⁸. Причем в пределах славяно-христианского мира⁹ сложилась единая «литература-посредница» (термин Д.С. Лихачева), где не существовало понятий «своего» /оригинального/ и «чужого» /переводного/. «Традиционное деление древнеславянских литератур на две главные части - оригинальную и переводную, – уточняет Д.С. Лихачев, – произведено с нашей современной точки зрения и модернизирует средневековую литературу»¹⁰. В науке сложилась устойчивая традиция изучения взаимовлияний славянских литератур в пределах общего фонда славянской христианской книжности¹¹. Существование единого славянского книжного фонда и преобладание заимствованных и переводных произведений в общем массиве текстов, бытовавших на Руси, однако, не исключает, на наш взгляд, возможности изучения оригинальной русской книжности в ее национальной специфике.

Главную часть славяно-русской книжности составляли переводы произведений византийской литературы или древневосточных и древнехристианских текстов «в византийской редакции»¹², поэтому одним из основных аспектов проблемы «внешних» влияний на раннюю русскую книжность является вопрос русско-византийского диалога. К исследованию византийского влияния на литературу средневековой Руси обращались многие выдающиеся ученые. Здесь, безусловно, следует назвать «Историю древнерусской литературы» М.Н. Сперанского¹³, а также исследова-

ние русской ораторской прозы А.И. Пономарева¹⁴. Е.Е. Голубинский в «Истории русской церкви»¹⁵ рассматривает этот вопрос в культурно-историческом контексте взаимоотношений Византии с государствами, входящими в круг ее влияния. М.И. Сухомлинов анализировал сочинения св. Кирилла Туровского с точки зрения византийской и библейской традиций, причем отказывал «русскому Златоусту» в оригинальности¹⁶.

В XX-м веке проблема византийского влияния на древнерусскую книжность (и не только книжность, но и музыку и изобразительное искусство¹⁷) остается в центре внимания ученых-славистов, но само понятие влияния оценивается не как однонаправленный процесс, а как диалог. Основополагающими работами по этой проблеме в российской науке можно назвать исследования И.П. Еремина «О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературе IX – XII вв.»¹⁸ и Д.С. Лихачева «Тип и характер византийского влияния на древнерусскую литературу»¹⁹ и «Своеобразие исторического пути русской литературы X – XVII веков»²⁰, а также работы С.С. Аверинцева и В.В. Бычкова, посвященные духовно-эстетическим аспектам русско-византийского диалога²¹. Выбор византийских текстов и характер изменений, которым они подвергаются в славянской рецепции, интересует не только отечественных, но и зарубежных славистов²². Г. Подскальски, обратившийся к изучению древнерусской христианской книжности как производной от литературы византийской, в обобщающем труде «Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988 – 1237 гг.)» справедливо утверждает, что этот выбор «во многом предопределил также и формирование оригинальной славянской письменности»²³, в частности древнерусской.

В связи с этим, на наш взгляд, очень важно обратить особое внимание на роль Псалтири в этом процессе, поскольку, как замечают практически все исследователи древнерусской книжности, именно Псалтирь была едва ли не самой популярной книгой на Руси. Вся литература средневековья обращена к душе отдельного человека, но ни один ее памятник не имеет такого всеобъемлющего значения в духовном совершенствовании человека, как ветхозаветная Псалтирь²⁴. В медиєвистике неоднократно подчеркивалось, что ядром, центром всей христианской книжности и культуры является Священное Писание, при этом еще св. Афанасий Александрийский (IV век) характеризовал Псалтирь как уникальную Библейскую Книгу: главное ее отличие от остальных книг Священного Писания он видел в том, что в ней в поэтической форме

выражено содержание практически всех остальных Библейских Книг (Ad Marcell. 2; 3; 5-6)²⁵. Святоотеческая традиция толкования Священного Писания видит во многих псалмах пророчества и о Евангельских событиях. Поэтому Псалтирь не могла не занять особого положения в древнерусской книжности, исключительно соответствующей определению «душеспасительная».

Однако влияние Книги Псалмов на формирование литературного своеобразия оригинальной древнерусской книжности еще не стало предметом специального исследования. Конечно, исследователи давно обратили внимание на обилие цитат из Псалтири и отражение ее поэтического строя в произведениях русских книжников²⁶, но обобщающих работ о влиянии Псалтири и ее роли в древнерусских оригинальных текстах пока нет. В этой работе мы предприняли попытку определить место и значение Книги псалмов в древнерусской книжной культуре в целом и выявить в оригинальных произведениях древнерусских книжников XI – XIII веков эмоционально-смысловую и структурно-функциональную роль их обращения к псалмам, то есть попытались подробно рассмотреть характер влияния Псалтири на древнерусскую книжность раннего периода – периода, ставшего основополагающим в истории литературного процесса Древней Руси²⁷.

Разумеется, невозможно в пределах одной работы рассмотреть всю литературу данного периода, поэтому для конкретного анализа было выбрано несколько оригинальных древнерусских текстов различных жанров, вошедших, безусловно, в «золотой фонд» средневековой русской книжности и во многом определивших последующее ее развитие:

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.),

«Поучение» Владимира Мономаха (нач. XII в.),

келийный авторский Часослов XIII в.²⁸ из Спасо-Ярославского монастыря и, в частности, входящие в его состав азбучная молитва «Азбуконикъ» и покаянные молитвы св. Кирилла Туровского (XII в.),

«Слово Даниила Заточника» (XII – XIII вв.).

Примечания

¹ Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967. С. 251.

² Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937–1981 гг.). М., 1989. С. 227.